

ВИКТОР НЕЧИПУРЕНКО

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ НЕВОШЕДШИХ

Десять метафизических новелл

Десять метафизических новелл о мирах, людях и богах,
которых пытались свести к единственной правильной форме.

Проза о цене завершенности, о насилии утешения
и о праве остаться незавершенным.

Виктор Нечипуренко
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ
НЕВОШЕДШИХ Десять
метафизических новелл

<https://litres.ru/74266082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять метафизических новелл о мирах, людях и богах, которых пытались свести к единственной правильной форме. Здесь свободу лечат до полной покорности, новое евангелие обрастает запретами, Бога подвергают философским экспертизам, а неосуществлённые жизни хранятся в архиве как ошибки действительности. Композитор слышит музыку миров, которым не досталось бытия; мальчик вылавливает из реки чужие непрожитые судьбы; монахиня становится святой именно потому, что её крик объявили молчанием. Сквозной герой книги, Иешуа 8, отказывается войти в совершенное целое и тем сохраняет право отдельного голоса на возражение. Это проза о цене завершенности, о насилии утешения, о святости, созданной неверным толкованием, и о том, что возможность не обязана становиться реальностью, чтобы обладать достоинством. В этих рассказах мистика встречается с сатирой, гностицизм —

с бюрократией, а космические идеи проверяются человеческой болью, любовью, виной и свободой ошибаться. И правом остаться незавершённым.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧЁРНОЕ МОЛОКО ЗВЁЗД	14
КОЛОДЕЦ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЖЕНОЙ	31
КОНГРЕСС ВРАЧЕЙ ЖИЗНИ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Виктор Нечипуренко

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ

НЕВОШЕДШИХ Десять

метафизических новелл

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евангелие означает благую весть. Обычно её приносит победившая истина: явившийся Бог, воскресший мессия, найденный закон, открывшийся путь. Эта книга устроена иначе. Её весть приходит от тех, кто не был избран, не получил тела, не вошёл в окончательное единство, не прошёл освидетельствование на подлинность, не согласился с правильным толкованием собственной боли.

От тех, кого называли возможностью, отклонением, болезнью, искушением, неполной формой.

От тех, кто остался снаружи.

Десять рассказов, собранных под этой обложкой, не образуют последовательной истории в обычном смысле. Их герои живут в разных мирах и подчинены разным законам. Здесь мистическая трагедия соседствует с сухой бюрократической сатирой, философская фантастика — с магическим реализ-

мом, камерный диалог — с космологической новеллой. Однако все тексты ведут один спор: **кто получает право объявить нечто действительным, истинным, свободным, святым или завершённым?**

И что происходит с теми частями жизни, которые не выдержали этой проверки?

В начале цикла множественность переживается как устройство самого бытия. Человеческая жизнь перестаёт быть единственной линией, проведённой между рождением и смертью. Одно существо может существовать во многих судьбах; любовь связывает не двух людей, а целые области мироздания; попытка воскресить единственного, «настоящего» любимого человека оборачивается уничтожением всех его иных жизней. Единство, обещавшее исцелить противоречия, обнаруживает свою тайную жестокость: оно сохраняет голоса лишь в качестве воспоминаний, лишив их права отвечать.

Поэтому центральной фигурой книги становится Иешуа № 8.

Он не самый сильный и не самый полный. Его достоинство заключено в отказе. Семеро готовы войти в совершенное соединение, а он остаётся снаружи — одинокий, неполный, лишённый общей силы. Его «нет» не делает его безосшибочным. Он способен бояться, бездействовать, обвинять других, уклоняться от собственной вины. Однако благодаря этому отказу в мире сохраняется внешний голос, способный

напомнить завершённомому целому: его полнота была достигнута ценой тех, кто больше не может ему возразить.

Иешуа № 8 проходит через книгу как человек, которого невозможно окончательно включить в систему. Он становится свидетелем непрожитых форм, архивариусом неосуществлённого, живым сомнением в превосходстве выбранной действительности. Но и его отдельность не превращается в новую святыню. Отказ также способен стать привычкой, властью, готовым ответом. Книга не предлагает заменить культ единства культом одиночества. Она оставляет открытым более трудный вопрос: как жить среди множества голосов, не заставляя их слиться и не позволяя им разорвать общее тело?

Вторая линия книги посвящена учреждениям, созданным ради освобождения человека.

Клиника учит находить истинную волю. Новая церковь избавляет верующих от старого послушания. Богословская палата пытается положить конец войнам, точно установив природу Бога. Монастырь оберегает женщину от опасности её собственного голоса.

Каждое из этих учреждений возникло из подлинной потребности.

Людям действительно навязывают желания. Покорность действительно называют любовью. Религиозная власть способна освящать насилие. Чужие слова проникают в человека так глубоко, что он уже не понимает, где заканчивается

приказ и начинается его собственная воля. Поэтому первые врачи жизни, первые проповедники свободы, первые толкователи и духовники не обязательно были обманщиками. Они освобождали избитых, возвращали человеку право отказа, разрушали законы, требовавшие терпеть зло.

Трагедия начинается позднее.

Открытие становится учением. Учение требует толкования. Толкование создаёт должность. Должность нуждается в правилах, экзаменах, печатях и праве отличать подлинное освобождение от ложного.

Так свобода приобретает утверждённую форму.

Человеку разрешается желать чего угодно, кроме того, что учреждение признаёт несвободным желанием. Он вправе отказать от всякого закона, но обязан сделать это по установленному обряду. Его сомнение становится диагнозом, любовь — зависимостью, долг — симптомом, обыкновенная жизнь — страхом перед великим предназначением. Даже уход от системы немедленно превращается в новую степень посвящения.

Особенно удобной для учреждения оказывается боль.

Пока человек говорит: «мне больно», его слова ещё могут потребовать действия, признания вины, изменения порядка. Когда боль истолкована как очищение, дар, испытание или признак святости, она перестаёт обвинять тех, кто её причинил. Женщина пытается закричать, а её объявляют святой молчания. Бог просит воды, а богословы обсуждают, совме-

стима ли жажда с совершенством. Страдающему объясняют, что его страдание лишь кажется страданием, — и учреждение сохраняет чистоту собственного учения.

Бюрократия в этих рассказах не является простым собранием глупцов. Она представляет одну из самых стойких человеческих надежд: желание создать порядок, при котором больше никто не ошибётся.

Именно поэтому она страшна.

Ошибка отдельного человека ограничена его жизнью. Безошибочная система получает право исправлять всех.

Третья большая линия цикла связана с неосуществлённым.

Композитор слышит музыку миров, которым не досталось стать действительностью. Мальчик вытаскивает из реки не души погибших, а людей, которыми они могли бы сделаться. Архив хранит события, не вошедшие в признанную историю: непринятое решение, несостоявшуюся встречу, остановленную войну, иной поступок предателя, отказ Бога создавать мир.

Возможность здесь не является бледным черновиком реальности.

Она полна.

У непрожитой старости есть походка, болезни, любовь, дети и собственная смерть. У несостоявшегося мира — язык, музыка, история и существа, для которых именно он является единственной действительностью. Даже мир без на-

блюдателя не становится менее совершенным оттого, что никто не способен составить о нём свидетельство.

Но книга не утверждает, будто все возможности следует немедленно воплотить.

Воплощение тоже бывает насилием.

Записанная музыка покидает мир, которому принадлежала. Возвращённое будущее вытесняет память о человеке, действительно прожившем и умершем. Тень возможной старости способна утешить мать — и заставить её забыть молодую дочь, которую она похоронила. Человек хочет увидеть более доброго отца, раскаявшегося мужа, спасённого ребёнка; непрожитая жизнь приходит целиком и приносит с собой незнакомые браки, чужих детей, будущие преступления и любовь к другим людям.

Возможность не обязана быть лучше действительности.

Её достоинство состоит в другом: она не становится ложью лишь потому, что не осуществилась здесь.

Эта мысль достигает предела в последнем рассказе, где Архив, созданный для сохранения возможного, присваивает себе право определять, какие миры достойны называться настоящими. Он сравнивает несравнимое, назначает вес существованию, оправдывает случившиеся войны богатством порождённой ими истории. Более милосердный мир объявляется беднее героизмом; мир без великого несчастья — беднее состраданием; спасённая жизнь признаётся недостатком, если в иной действительности смерть породила знаменитое

произведение.

Так возникает бюрократическая теодицея: всё случившееся объявляется необходимым уже потому, что случилось.

Против неё невозможно выставить другой «лучший мир». Любой победитель немедленно потребует признать остальных своими несовершенными черновиками. Освобождение начинается там, где Архив лишается права назначать единый центр действительности.

Однако эта книга не является трактатом, замаскированным под художественную прозу.

Её философия проверяется телом.

Абстрактная проблема единства становится болью существ, запертых внутри общего человека. Вопрос о возможных мирах проходит через женщину, которая дважды теряет ребёнка: сначала в теле, затем в памяти. Спор о свободной воле возвращается домой к супругам, не способным дать друг другу вечную гарантию любви. Рассуждение о Боге прерывается просьбой о воде. Институциональное толкование страдания разбивается о простую фразу умирающей: она хотела жить.

Космический порядок здесь всегда должен выдержать человеческое прикосновение.

Если не выдерживает, возможно, повреждён именно порядок.

Рассказы не предлагают единой доктрины взамен разрушенных. В них нет окончательного определения свободы,

Бога, любви, личности или действительности. Почти каждая найденная формула в следующем тексте подвергается сомнению. Право на собственную волю сталкивается с тем, что человек способен назвать волей усвоенное рабство. Ценность множественности — с опасностью распада. Сострадание к непржитому — с обязанностью не позволить ему поглотить прожитое. Отказ от толкования — с необходимостью всё же понимать друг друга.

Эта незавершённость намеренна.

Окончательный ответ слишком легко становится учреждением.

Возможно, общим этическим центром книги остаётся лишь скромное требование: **не отнимать у другого право быть сложнее нашего объяснения о нём.**

Не объявлять страх доказательством несвободы.

Не считать зависимость достаточным основанием для отмены любви.

Не превращать боль в украшение учения.

Не называть несогласие болезнью целого.

Не заставлять умершего прожить удобное нам будущее.

Не решать за возможный мир, что он просит воплощения.

Не выдавать собственное незнание за тайную мудрость власти.

Название «Евангелие от невошедших» не обещает новой спасительной истины. Это весть от оставшихся за дверью: от восьмого голоса, от непржитой дочери, от Бога, не сов-

павшего с трактатом о Боге, от женщины, чьё молчание оказалось криком, от мира, которому сообщили, что он всего лишь возможность.

И, быть может, от той части каждого человека, которую он сам однажды принёс в жертву внутреннему порядку.

Эта книга не требует открыть перед ней все двери.

Достаточно оставить хотя бы одну незапертой.

ЧЁРНОЕ МОЛОКО ЗВЁЗД

На седьмом ударе сердце Иешуа остановилось.

Шесть первых толчков разогнали кровь до самых дальних частей тела; седьмой застрял под грудиной, раздулся, налился тяжестью и остался там, словно кулак, который Бог занёс над миром и забыл опустить.

Иешуа согнулся над колодцем. Каменный край упёрся ему в живот. Из глубины поднимался мягкий сизый свет. Он шёл медленно, густыми волнами, и при каждом колебании в груди отзывался глухой звон.

— Отдай, — выговорил Иешуа.

Колодец пошевелил водой.

Она казалась чёрной. На поверхности проступали звёзды, хотя над головой восходило солнце и бледное утреннее небо уже начинало разгораться от жары.

— Отдай мне седьмой удар.

Вода поднялась к его лицу.

Она коснулась губ, вошла в рот, потекла дальше, и тело Иешуа выгнулось. Он почувствовал, как внутри него раскрываются семь гортаней. Первая захрипела от холода. Вторая застонала от нежности. Третья захлебнулась горечью. Четвёртая хохотала в огне. Пятая запела. Шестая произнесла его имя. Седьмая молчала и тем страшила сильнее остальных.

Иешуа отшатнулся. На языке — капля тёмной жидкости.

Она была тёплой, почти живой. В ней медленно вращались крохотные огни.

Колодец заговорил голосом Инасии.

— Ты снова пришёл собирать себя.

Иешуа сжал зубы. Капля лопнула, и звёзды потекли ему в горло.

— Я пришёл закончить начатое.

— Ты уже закончил.

— Тогда почему сердце не бьётся?

— Потому что ты вырвал из него спор.

Свет в глубине ослаб. Иешуа наклонился ниже и увидел женщину.

Инасия лежала под водой, раскинув волосы. Её веки дрожали. Кожа светилась изнутри. Казалось, кто-то поместил под неё рассвет и теперь рассвет искал выход. На груди Инасии чернело круглое пятно величиной с ладонь.

— Поднимись, — сказал Иешуа.

— Спустишь.

— Я не могу.

— Можешь. Ты просто помнишь, чем кончилось в прошлый раз.

Её губы двигались спокойно, хотя вода не выпускала ни единого пузырька.

Иешуа помнил.

Тогда он спустился на цепи, обмотав её вокруг пояса. Камни колодца становились мягче с каждым локтем глубины.

Они прилипали к плечам, к бёдрам, обхватывали щиколотки. Внизу уже не было воды. Там ждали семь залов, вложенных друг в друга, и в каждом находился он сам.

Первый Иешуа сидел на каменном престоле. Его кожа была серой, глаза сухими. Он удерживал форму вещей: заставлял кость оставаться костью, гору — горой, тело — границей.

Второй лежал в прозрачной воде. Он смягчал всё, к чему прикасался. В его присутствии враги вспоминали, как плакали в материнских руках, и опускали оружие.

Третий ходил по кругу, кусая губы. Он хранил горечь, без которой сладость превращалась в сон.

Четвёртый горел. Пламя не пожирало его. Оно рождалось в нём, как ярость рождается в оскорблённой любви.

Пятый был светом. У него не имелось лица, зато всякий, кто смотрел на него, видел собственную тайную красоту и приходил в ужас.

Шестой пел.

Седьмой лежал в земле, и из его тела росли остальные.

Иешуа пришёл к ним с обещанием освобождения. Он сказал, что семь жизней истощили его. Семь желаний разрывали всякое решение. Семь любовей требовали разных женщин. Семь вер хотели семи богов. Он предложил им одно тело, одну волю, одно имя.

Они сопротивлялись.

Тогда Иешуа призвал Инасию.

Она вошла в нижний зал обнажённой, покрытая огнём. Пламя скользило по её животу, задерживалось на груди, собиралось в волосах. Семеро Иешуа смотрели на неё семью видами вожделения.

— Кого из нас ты любишь? — спросил певец.

— Того, кто задаёт этот вопрос, — ответила Инасия.

Спросили все.

Она ответила каждому.

Иешуа воспользовался этим мгновением. Пока семь лиц повернулись к женщине, он сомкнул руки у них на затылках и произнёс имя, которое нашёл однажды внутри собственной раны.

Семь тел рванулись друг к другу.

Каменный Иешуа кричал, чувствуя, как вода проникает в его твёрдость. Водяной бился, когда огонь выжигал его милость. Горький плевал проклятиями. Огненный пытался сжечь остальных. Свет омрачился и ослеп. Певец захлебнулся голосами. Земляной раскрыл рот, и из него хлынула чёрная жидкость со звёздами.

Так возник нынешний Иешуа.

Он очнулся у колодца. В груди билось единое сердце. Инасия исчезла.

С тех пор прошло девять лет.

За девять лет мир лишился оттенков.

Камни стали одинаково твёрдыми. Вода утратила милосердие. Горечь ушла из трав, и лекарства перестали действо-

вать. Пламя горело без ярости, холодно и послушно. Свет ничего не открывал. Песни утратили различия. Женщины рожали детей, чьи лица походили друг на друга.

Люди радовались. Исчезли распри. Слова перестали ранишь. Никто уже не спорил с собой. Всякое решение приходило легко и оставляло после себя ровное удовлетворение.

Только по ночам земля начинала стонать.

Иешуа слышал этот стон под домами, под дорогами, под ложами любовников. Мир пытался родить то, что он запер в собственной груди.

— Спустишь, — повторила Инасия из воды.

Иешуа взял цепь, лежавшую возле колодца.

Железо давно заросло чёрным мхом. Он обвязал цепь вокруг пояса, проверил узел и перекинул ноги через край.

— Держи меня, — сказал он.

— Кто из нас должен держать тебя?

Инасия исчезла.

Иешуа начал спуск.

Вода сомкнулась над головой. Она была плотной и тёплой. В ней не требовалось дышать. Он двигался вниз, перебирая цепь, пока звёздный свет не остался далеко наверху.

Камни смягчились.

Один прижался к его щеке и показал день, когда каменный Иешуа впервые увидел Инасию. Она стояла на коленях перед расплавленным валуном и просила его сохранить форму, пока огонь рисовал внутри будущего ребёнка. Каменный

отказал. Ребёнок родился бескостным и прожил три часа. Инасия ударила Иешуа по лицу, разбила костяшки пальцев и целовала кровь с его губ.

Другой камень впустил его в память водяного Иешуа. Инасия спала у него на груди. Он всю ночь удерживал её слёзы внутри глаз, чтобы утром она проснулась без следов горя. За это она возненавидела его. Ей хотелось оплакать ребёнка, а он украл у неё плач.

Дальше Иешуа увидел огненного. Тот любил Инасию так жаростно, что однажды зажёг её кожу. Она горела семь дней, лишилась человеческого тела и сделалась женщиной пламени.

Светлый Иешуа подарил ей зрение сквозь вещи. После этого Инасия перестала видеть поверхности. Глядя на любимого, она различала его будущий труп, прежние тела, зародыш, страхи, грязные желания, доброту, которую он стыдился. Любить стало мучительно.

Певец однажды произнёс её истинное имя. Звук вошёл ей под рёбра и поселился возле сердца. С тех пор каждый мужчина, называвший её по имени, касался того места, куда имел право войти лишь певец.

Горький научил её ненавидеть милосердие.

Земляной подарил ей смерть.

Иешуа продолжал спускаться, и семь любовей проходили через него. Каждая требовала своего тела. Каждая считала остальных оскорблением.

Цепь кончилась.

Он разжал руки и упал.

Земля встретила его мягкими объятиями. Вокруг лежала тёмная равнина. Над ней висели семь солнц. Их лучи сходились в центре, где стоял длинный стол из белого камня.

За столом сидели шестеро.

Иешуа сразу узнал их. Они выглядели истощёнными. Каменный держал ладони на столешнице, чтобы та сохраняла форму. Водяной дрожал, словно его налили в человеческую кожу. Горький улыбался разбитым ртом. Огненный обуглился до костей, между рёбрами ходило красное сияние. Светлый прикрывал лицо руками. Певец был обезглавлен; его голова лежала перед ним и продолжала дышать.

Седьмое место пустовало.

— Где тот, кто лежал в земле? — спросил Иешуа.

— В тебе, — ответила голова певца.

— Вы тоже во мне.

— Тогда почему мы сидим здесь?

Иешуа подошёл к столу.

— Я пришёл вернуть вам свободу.

Горький рассмеялся.

— Свободу нельзя вернуть. Её можно только перестать отнимать.

— Я разомкну соединение.

— И умрёшь, — сказал каменный.

— Пусть.

— Ты врёшь, — прошептал водяной. — Ты всегда врёшь, когда говоришь «пусть».

Огненный поднялся. Красный свет хлынул из его груди.

— Он пришёл за Инасией.

Иешуа почувствовал, как единое сердце снова пропустило удар.

— Где она?

Шестеро посмотрели на свободное место.

Там сидел человек.

Он возник без движения, словно всё время находился за столом, а глаза Иешуа лишь теперь согласились его увидеть.

Лицо незнакомца повторяло черты Иешуа. Оно казалось моложе, черты отчётливей. На груди располагался круглый чёрный знак.

— Восьмой, — сказал певец.

— Нас было семь.

— Вас и теперь семь, — ответил незнакомец. — Я родился из твоего насилия над семёркой.

Иешуа приблизился.

— Что ты такое?

— Тот, кого нельзя соединить.

— Где Инасия?

— Во мне.

Иешуа схватил его за горло.

В тот же миг шесть пленников дёрнулись. Каменный захрипел. Водяной расплескался по полу. Горький согнулся.

Огонь вспыхнул в рёбрах четвёртого. Свет ударил из-под ладоней пятого. Голова певца закричала.

Восьмой не сопротивлялся.

— Ты держишь нас всех одной рукой, — проговорил он.
— Даже теперь.

Иешуа отпустил его.

Восьмой провёл пальцами по шее. Под кожей задвигалось пламя.

— Инасия спряталась здесь в ту ночь. Когда ты начал соединение, она искала место, куда не дойдёт твоя воля. Я стал этим местом.

— Отдай её.

— Она выйдет сама.

— Инасия!

Чёрный знак на груди Восьмого раскрылся.

Из него показалась женская рука.

Пальцы коснулись воздуха, затем плечо, лицо, волосы. Инасия вышла из тела мужчины медленно, словно рождалась из его сердца. Пламя облегалo её бёдра. Грудь поднималась от тяжёлого дыхания. На животе темнели семь знаков, похожих на следы ладоней.

Иешуа шагнул к ней.

Она подняла руку.

— Стой.

— Я пришёл за тобой.

— За которой?

— За тобой.

— Каменного Иешуа я ненавидела. Водяного жалела. Горького желала убить. С огненным сторала. Светлого боялась. Певца любила. Земляному позволила похоронить меня. Кого из них ты называешь собой?

— Всех.

— Ты носишь их память. Боль всё ещё принадлежит им.

— Я чувствую её.

— Узник тоже чувствует стену темницы. От этого он не становится стеной.

Шестеро сидели неподвижно. Их лица ждали.

Иешуа посмотрел на певца.

— Это тебя она любила?

Голова закрыла глаза.

— Иногда.

— Ты обещал её вернуть?

— Каждый из нас обещал.

— Кто исполнил обещание?

— Никто.

Инасия подошла к Иешуа вплотную. Жар её тела вошёл под его одежду. Она положила ладонь ему на грудь, туда, где застрял седьмой удар.

— Ты хотел стать целым ради меня?

— Ради себя.

— Наконец ты сказал правду.

Её пальцы надавили сильнее. Сердце Иешуа дёрнулось.

— Если разомкнёшь нас, нынешнее тело погибнет, — сказал Восьмой. — Оно возникло из принуждения. Без принуждения ему нечем держаться.

— А они?

— Вернутся в свои области.

— Мир снова расколется.

— Мир снова зазвучит.

— Начнутся войны.

— Начнутся песни.

— Люди возненавидят друг друга.

— И полюбят.

Иешуа взглянул на Инасию.

— Ты уйдёшь с певцом?

— Я уйду туда, где смогу выбирать каждый день.

— Ты любишь меня?

Она прижалась лбом к его лбу. Пламя вокруг её тела ослабло.

— В тебе семеро мужчин требуют одного ответа. Любовь захлебнётся, если я дам его всем.

— Дай одному.

— Выбери, кем станешь.

Шестеро подняли головы.

Мир наверху содрогнулся. С равнины посыпался белый прах. Семь солнц начали опускаться к столу.

Иешуа слышал людей.

Они кричали на улицах. Ровное согласие кончилось. В

сердцах пробуждались качества, девять лет пребывавшие связанными. Кто-то впервые за долгие годы ударил брата. Кто-то бросился целовать женщину, которую терпел из благонаравия. Кто-то запел. Кто-то осквернил святыню. Кто-то встал на колени.

Сердце Иешуа напряглось, пытаясь вытолкнуть седьмой удар.

— Как разомкнуть соединение? — спросил он.

Восьмой указал на свободное место.

— Сядь.

Иешуа сел.

Стол ожил под ладонями. Белый камень сделался мягким и обхватил запястья.

Семь солнц приблизились. В каждом бушевало отдельное качество. Холод сжимал пространство. Вода ласкала его и душила. Горечь резала язык. Жар проникал в кости. Свет выворачивал наружу всё скрытое. Звук заставлял органы отвечать собственными голосами. Последнее солнце было телом — тяжёлым, тёмным, плодородным.

Шестеро протянули руки.

Иешуа ответил им.

Каменный взял его за большой палец. Водяной — за указательный. Горький обхватил средний. Огненный коснулся безымянного. Светлый положил ладонь на мизинец. Певец прижался губами к центру ладони.

Седьмой, земляной, двигался внутри груди.

Восьмой остался в стороне.

— А ты? — спросил Иешуа.

— Я сохраню право любого из вас снова сказать «нет».

Инасия подошла сзади. Её руки легли Иешуа на плечи.

— Будет больно, — сказала она.

— Мне уже больно.

— Сейчас боль имеет одно имя. Скоро их станет семь.

Она вошла в него огнём.

Иешуа закричал.

Седьмой удар наконец совершился.

Сердце разорвалось внутри груди. Кровь хлынула во все стороны и застыла в воздухе красными нитями. Каждая нить нашла одного из пленников. Шестеро выгнулись. Земля под столом разверзлась и вытолкнула седьмое тело — голое, покрытое влажной глиной.

Иешуа ощутил, как его память распределяется между ними.

Каменному достался день рождения.

Водяному — голос матери.

Горькому — первое предательство.

Огненному — желание Инасии.

Светлому — страх смерти.

Певцу — имя.

Земляному — тело.

Себе Иешуа ничего не оставил.

Его руки стали прозрачными. Сквозь грудь уже виднелись

семь солнц. Лицо исчезало медленнее. Он ещё мог смотреть.

Семеро стояли вокруг стола.

Они были свободны.

Инасия вышла из огня и метнулась к нему.

— Что ты сделал?

— Выбрал.

— Кого?

— Никого.

Она схватила его исчезающие плечи.

— Останься.

— Которым?

Инасия ударила его. Ладонь прошла сквозь щёку.

— Предатель.

— Да.

Она целовала его в уста, пока губы ещё сохраняли плотность. Пламя входило в него и не находило, за что удержаться.

— Я могла бы полюбить тебя, — прошептала Инасия.

— Ты любила.

— Тебя ещё не существовало.

— Теперь уже поздно.

Последним исчез его голос.

На месте Иешуа осталась чаша из чёрного вещества. Она стояла на белом столе и медленно наполнялась густой жидкостью. Сверху лился звёздный свет, хотя солнца горели совсем рядом.

Семеро окружили чашу.

— Что это? — спросил каменный.

Восьмой подошёл и коснулся края.

— То, что не досталось никому.

Инасия опустила палец в жидкость. По её коже разбежались крохотные созвездия.

— Он здесь?

— Здесь всё, чем он мог стать между вами.

Певец поднял голову обеими руками и запел.

Его песня вошла в чашу. Каменный добавил твёрдость. Водяной — кротость. Горький — боль. Огненный — желание. Светлый — ясность. Земляной — плоть. Восьмой склонился последним и вдохнул в жидкость отказ от завершенности.

Чёрное молоко поднялось над краями.

Инасия взяла чашу.

— Кому его пить?

Никто не ответил.

Тогда она выпила сама.

Звёзды проступили под кожей, прошли через грудь, живот, бёдра. Пламя вокруг неё стало тёмным. Инасия пошатнулась, и семеро поддержали её одновременно.

В её утробе раздался удар.

Потом второй.

На седьмом Инасия закричала.

Крик поднялся сквозь землю, прошёл по стенам колодца

и вырвался в утро. Люди на улицах остановились. Враждующие замерли с поднятыми руками. Любовники оторвались друг от друга. Певцы лишились голоса на один вдох.

Над миром зажглась звезда, чёрная в середине и ослепительная по краям.

Внутри Инасии билось новое сердце.

Оно не принадлежало Иешуа.

Семеро слышали в нём его голос, однако каждый слышал разные слова.

Каменный слышал просьбу удержаться.

Водяной — позволить уйти.

Горький — помнить зло.

Огненный — желать до гибели.

Светлый — смотреть без пощады.

Певец — назвать.

Земляной — родить.

Восьмой ничего не слышал.

Он улыбнулся.

Инасия подняла лицо к семи солнцам. На губах осталось чёрное молоко.

— Как мы назовём его? — спросил певец.

Она прижала ладонь к животу.

— Никак.

Семь солнц вздрогнули и начали расходиться по своим областям. За каждым уходил один Иешуа. Они оглядывались на Инасию, пока расстояние не лишило их лиц.

Восьмой остался возле неё.

— Ты ведь тоже уйдёшь? — спросила Инасия.

— Когда он впервые захочет стать единственным.

Они поднялись к колодцу.

Наверху бушевал мир. Люди спорили, молились, дрались, рожали, предавали, пели. Камни снова сопротивлялись воде. Вода училась укрощать огонь. Горечь возвращала сладости цену. Свет мучил глаза. Звук дробился на тысячи голосов.

Инасия вышла из колодца на рассвете.

Под её сердцем шевелилось существо, которому предстояло родиться семью рожденьями.

На небе гасла чёрная звезда.

С её краёв падали тёмные капли, и каждая, коснувшись земли, начинала звенеть.

КОЛОДЕЦ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЖЕНОЙ

Когда Улиар поднёс седьмую чашу к губам, вода закричала.

Крик ударился о каменный круг, взлетел под своды опустевшего дома и вернулся к нему тремя женскими голосами. Первый звал его по имени с любовью, уже истощённой долгим терпением. Второй проклинал. Третий смеялся — легко, почти по-девичьи, словно Улиара никогда не существовало и ничто в мире ещё не успело омрачить женщине утро.

Он удержал чашу.

Вода ходила в ней тёмными кругами. Под её поверхность медленно открывались глаза Саары. Их было много; одни глядели прямо на него, другие на мужчину, стоявшего там, куда Улиар не мог войти, третьи смотрели на ребёнка, прижавшегося к её груди. Несколько глаз уже закрылись навеки. Два плакали. Одни смеялись.

— Пей, — произнёс голос из глубины. — Ты ведь пришёл за этим.

Улиар не отвечал.

Колодец бился под его ладонью.

Каменный край сохранял тепло человеческого тела. Если приложить ухо, изнутри слышалось медленное движение

воды, сходное с дыханием спящей женщины. Порой камни становились мягче, и тогда под пальцами угадывались рёбра. В дождливые дни на внутренней стороне круга выступали тёмные пряди, опускались к воде и исчезали прежде, чем он успевал схватить их.

Колодец был Саарой.

Три года назад она умерла на их постели, положив обе руки себе на горло, словно удерживала внутри последнее слово. На рассвете тело стало тяжёлым, потом начало погружаться в доски. Улиар звал людей, пытался поднять её, обхватывал за плечи; пальцы соскальзывали, дерево принимало её медленно и жадно. К полудню на месте ложа осталась круглая впадина, наполненная водой.

Каменный круг вырос вокруг неё следующей ночью.

Сам Улиар не видел, кто сложил камни. Он сидел возле воды, держа в руке прядь жены, срезанную ещё при жизни. Под утро прядь дрогнула, выскользнула и ушла в глубину.

Первое время он не пил.

Саара запретила ему ещё перед смертью.

— Когда я уйду, — сказала она, — вода станет показывать тебе больше, чем ты сможешь вынести. Не бери из неё ртом. Глаза ещё могут отступить. Выпитое останется в тебе.

Он обещал.

В ту пору обещание казалось легко исполнимым. Саара лежала рядом, горячая от болезни, злая на смерть, ещё способная отвернуться от него. Улиар верил: её смерть окажет-

ся последним событием, которому он позволит совершиться. Вера эта была столь же безумна, сколь чиста и наивна. Он любил её и потому считал мир обязанным вернуть украденное.

Теперь седьмая чаша дрожала у его губ.

— Кто ты? — спросил он.

— Сегодня ты зовёшь меня Шахаразадой.

— Ты Саара?

— Я живу её десятой жизнью.

— Где?

— Там, где тебе нет места.

Он наклонился над колодцем. Вода отступила, открывая глубину, которой прежде не было. Внизу горела лампа. Возле неё сидела женщина в длинной белой одежде и распускала волосы. Лицо её принадлежало Сааре; возраст оказался иным. Умершая жена Улиара не дожила до тридцати восьми. Женщине в глубине было около пятидесяти. Возле рта проходили две глубокие складки. Волосы светлели на висках.

Она подняла голову.

— Ты уже выпил шестерых, — сказала Шахаразада. — Седьмой глоток коснётся той, которая тебя убила. Тебе хочется узнать, за что?

Улиар поставил чашу на камень.

— Я видел её.

— Ты видел конец. Причины остались во мне.

— Откуда они у тебя?

— Каждая отнятая жизнь болит в остальных. Ты забираешь женщину, и место, где она жила, начинает ныть во всём великом теле. Эта боль приходит ко мне. Я слагаю из неё рассказы, иначе она разорвёт мне разум.

— Ты можешь вернуть Саару?

— Которую?

Он стиснул край колодца.

— Ту, что умерла здесь.

— Она перед тобой.

— Передо мной вода.

— Потому ты до сих пор пьёшь.

Улиар поднял чашу.

Шехаразада смотрела.

— Допей, — сказала она. — Возможно, после седьмой тебе станет легче лгать себе.

Он выпил.

Сначала пришёл снег.

Он падал крупно, медленно, и каждая снежинка задерживалась в воздухе дольше положенного. Улиар стоял у деревянного дома, которого никогда прежде не видел. За дверью кричала Саара.

Его рука держала топор.

Крик оборвался.

Из дома вышел мужчина с разбитой губой. Лицо его было лицом Улиара, однако прожитая жизнь изменила его сильнее старости. В глазах горело тупое торжество. На рубахе темне-

ла кровь.

Саара появилась за ним.

Она была молода. Волосы стянуты на затылке, рукава закатаны. В правой руке она держала длинное копьё для охоты на вепря.

— Уйди, — сказал мужчина.

Саара ударила.

Остриё вошло ему под рёбра. Он осел, стараясь удержать кровь ладонями, и посмотрел на неё с таким изумлением, словно она нарушила сам порядок земного бытия.

Улиар чувствовал его боль. Чувствовал также её руку, толкнувшую древко глубже.

Жизнь раскрылась перед ним разом, однако каждый миг сохранял свою тяжесть.

Он видел, как этот Улиар отнимал у жены деньги, как запирал её зимой в чулане, как заставлял просить разрешения выйти из дома. Видел ночь, когда Саара вытащила из огня его одежду, потому что он напился и рухнул возле очага. Видел, как она кормила его с ложки после болезни. Видел её ненависть, родившуюся рядом с жалостью и долгие годы питавшуюся ею.

Перед ударом она трижды просила его уйти.

Он смеялся.

Когда копьё вошло под рёбра, Саара заплакала. Она плакала над ним до рассвета, потом вытащила тело на снег и сама вырыла могилу.

Улиар прожил её дальнейшие годы.

Она не вышла замуж. Растила сад возле дома, принимала рожениц, по ночам просыпалась от тяжести в правой руке. Всякий раз, когда кто-нибудь называл её убийцей, Саара от-вечала:

— Я долго была его женой. Убийцей я стала однажды.

Она умерла старой, окружённая женщинами, которым помогла уйти от жестоких мужей.

В последнюю минуту ей привиделся Улиар. Он стоял возле постели молодым, с раной под рёбрами.

— Ты простил меня? — спросила она.

— Нет.

— Хорошо.

Она закрыла глаза спокойно.

Жизнь оборвалась.

Улиар вернулся к колодцу и упал на колени. Его вырвало водой. Она растеклась по полу и тотчас ушла между досок.

Из глубины донёсся стон.

Он исходил сразу со всех сторон. Дом дрогнул. Далеко за стенами закричали женщины.

Улиар выбежал наружу.

На дороге молодая жена стояла перед мужем, который занёс над ней руку. Она смотрела на него и не двигалась. Рука опустилась ей на лицо. Женщина пошатнулась, выпрямилась и продолжала смотреть без гнева.

У соседнего дома мать молча отдала пьянице дочь, кото-

рую прежде прятала.

У реки девушка позволила мужчине сорвать с неё одежду; губы её шевелились, тело сопротивлялось, голос не выходил.

По всей земле женщины утрачивали способность оттолкнуть того, кто назвался любимым.

Саара, убившая его, исчезла из великого тела. Вместе с нею была изъята сила, умеющая обнажать оружие внутри любви.

Улиар вернулся к воде.

— Верни её, — сказал он.

Шахаразада сидела возле своей лампы. Правая рука лежала у неё на коленях, пальцы свело.

— Теперь просишь?

— Я не знал.

— Ты знал, что она жила. Этого тебе было мало.

— Как вернуть?

— Выпитое не возвращают через рот.

— Тогда как?

Она подняла сведённую руку.

— Придётся открыть тебя.

— Открой.

— Пока рано. В тебе говорит испуг. Он пройдёт, и ты снова захочешь жену целиком.

— Я хочу исправить сделанное.

— Ты ещё не увидел, что сделал.

Лампа погасла.

Вода стала чёрной.

Дар пришёл к Улиару в день их свадьбы.

Саара стояла перед ним с распущенными волосами. На ней было тёмно-синее платье, слишком тяжёлое для летней жары. Она сама выбрала его и сама расшила рукава мелкими золотыми птицами. Когда священник связал их руки лентой, Саара улыбнулась. В эту минуту мир вокруг её лица раздвинулся.

Ему было дано видеть жену во множестве её жизней, одновременно совершающихся в разных частях единого тела Божества.

Он увидел Саару старухой, спящей возле другого мужчины.

Увидел её девочкой, которой ещё не встретил.

Увидел сидящей возле его смертного ложа.

Увидел с окровавленным копьём.

Увидел женщину, проходящую мимо него на базарной площади и не поворачивающую головы.

Увидел их соединёнными в едином теле: две половины груди, два голоса в одной гортани, четыре руки, сходящиеся у общего сердца.

Увидел Саару, кормящую младенца, чьи глаза были полны такой древней ясности, что небеса вокруг него склонялись.

Видение длилось один удар сердца.

Улиар отдёргнул руку.

Священник спросил, не дурно ли ему.

Саара смотрела пристально.

— Ты увидел? — тихо спросила она.

— Что?

— Меня.

В тот день она уже знала о даре.

Позднее, когда гости разошлись и они остались вдвоём, Саара сняла платье, села на край постели и велела ему рассказать всё. Улиар говорил до рассвета. Она слушала, положив ладони на колени. Порой улыбалась, порой закрывала глаза.

— Какая из них я? — спросила она.

— Все.

— Тогда почему ты боишься меня коснуться?

Он подошёл.

Под его рукой сразу ожили многие тела. Одна Саара выгнулась навстречу. Другая отстранилась. Третья лежала неподвижно, исполняя супружеский долг. Четвёртая засмеялась. Пятая заплакала от удовольствия. Шестая вонзила ему ногти в плечи с ненавистью. Та, что никогда его не любила, спала в иной постели, отвернувшись к стене.

Улиар отнял руку.

— Ты видишь их во мне? — спросила Саара.

— Да.

— И меня среди них?

— Я не знаю, где ты.

Она встала и подошла так близко, что её дыхание косну-

лось его подбородка.

— Здесь.

Саара сама взяла его ладонь и положила себе на грудь.

— Здесь я родилась, здесь желаю тебя, здесь могу передумать. Остальные живут в иных частях великого тела. Они не мои тени и не мои служанки. Не тяни их в эту постель.

Первую ночь они провели рядом, не прикасаясь друг к другу.

На вторую Саара разозлилась.

— Твой дар делает из тебя трусливого импотента, — сказала она.

— Я боюсь оскорбить ту, которая отступает.

— Меня оскорбляет твой страх.

Она поцеловала его. Улиар снова увидел множество жизней, и всё же ответил. Ему пришлось учиться удерживать себя в одной комнате возле одной женщины в одном мгновении. Это оказалось труднее всякой молитвы.

Их любовь росла медленно, с приступами ревности к людям, которых рядом не было.

Улиар ревновал Саару к мужчине, с которым она состарилась в далёкой части Божества. Ревновал к ребёнку, рождённому без него. Ревновал даже к тому Улиару, которого она убила: смерть связывала их навеки.

Саара сначала смеялась.

— Ты желаешь отнять меня у самого Божества?

— Я желаю знать, кто моя жена.

— Та, что спорит с тобой сейчас.

— Завтра ты станешь другой.

— А кто не становится другим?

Её ответ не утешал.

Со временем Улиар начал искать среди жизней жены первую, чистую, ещё не разделившуюся на случаи любви, предательства, рождения и смерти. Ему мерещилось, что где-то внутри великого тела должна жить настоящая Саара, а все прочие являются плодами её повреждения.

Он задавал жене вопросы, от которых она уставала.

— Если бы я умер, ты вышла бы за другого?

— Возможно.

— В одной жизни ты вышла.

— Значит, там я выбрала жизнь.

— Ты любила его?

— Та женщина любила.

— Она носит твоё лицо.

— Лицо не даёт тебе власти над нею.

— В другой жизни ты не встретила меня.

— И всё же прожила её.

— Я видел.

— Тогда прими.

Улиар не умел принимать.

Дар, сперва похожий на благословение, сделался болезнью его любви. Каждый поцелуй открывал чужую близость. Каждая ссора сопровождалась десятком иных исходов. Ко-

гда Саара однажды крикнула, что ненавидит его, Улиар увидел жизнь, где ненависть стала окончательной, и три дня не разговаривал с ней.

Она пришла ночью, села рядом.

— Ты наказываешь меня за женщину, которой я здесь не стала.

— Она существует.

— Существует. Я также существую.

— Вы обе Саара.

— И каждая принадлежит себе.

Он отвернулся.

Саара долго смотрела на него.

— Когда-нибудь ты попробуешь собрать нас, — сказала она. — Я вижу это теперь.

— Как?

— Твой дар смотрит в обе стороны. Ты видишь мои жизни. Я вижу твою жадность.

Через семь лет она заболела.

Болезнь протекала без температуры. Саара слабела, словно кто-то выпивал из неё жизнь маленькими глотками. Врач не находил причины. По ночам она просыпалась и называла имена, которых Улиар не знал.

Шахаразада.

Рахиль.

Майра.

Саара Копьеносная.

Саара, пережившая мужа.

Саара, не знавшая любви.

Саара Единотелая.

Иногда она говорила мужскими голосами.

Перед смертью попросила Улиара лечь рядом.

— Они чувствуют меня, — прошептала она.

— Кто?

— Все мои жизни. Каждая знает, что одна из нас умирает.

Боль расходится по великому телу. Где-то женщина сейчас роняет чашу, хотя рука её здорова. Где-то младенец плачет во сне. Где-то я внезапно вспоминаю тебя, хотя никогда не встречала.

— Я найду тебя.

— Не ищи.

— Ты будешь жить.

— Я уже живу.

— Вернись ко мне.

Саара провела пальцем по его губам.

— Ты слышишь просьбу и превращаешь её в приказ.

К утру она умерла.

На следующий день стала колодцем.

Первую чашу Улиар выпил через сорок дней.

К тому времени одиночество превратило обещание в издевательство. Он спал возле воды. Разговаривал с ней. Иногда слышал Саару, однако голос быстро уходил в другие глубины.

В ночь сорокового дня колодец показал ему женщину, которая прожила жизнь, так и не встретив его.

Она жила возле моря. Имела дом, полный больных птиц. У неё были сильные руки и коротко остриженные волосы. Она любила женщину старше себя и похоронила её после двадцати трёх лет совместной жизни. Улиара она однажды увидела на дороге. Они разминулись. Он нёс хлеб, она — птицу с повреждённым крылом. Их глаза встретились на один миг, и никто не обернулся.

Улиар пил, пока проживал её годы.

Он узнал радости, в которых для него не было места. Увидел, как Саара смеётся, услышав шутку другой женщины. Как спит, положив голову ей на живот. Как стареет без воспоминания о нём. Как умирает, произнося чужое имя.

Ревность обожгла его сильнее горя.

Когда чаша опустела, жизнь возле моря угасла.

На рассвете люди перестали случайно встречаться.

Дороги ещё пересекались, двери открывались, площади оставались многолюдными, однако тот, кому надлежало повернуть голову, продолжал смотреть прямо. Любовники проходили рядом и не узнавали друг друга. Друзья, способные изменить чью-то судьбу одним разговором, садились за разные столы. Случайность ушла из великого тела, оставив событиям только необходимость.

Улиар не связал это с глотком.

Второй чашей стала жизнь, где Саара пережила его.

Там он умер от раны в животе, полученной на войне. Она держала его за руку до конца, затем прожила ещё сорок один год. Вырастила двоих сыновей, научилась торговать тканями, стала богатой, смеялась громко, любила мужчину, который пришёл после Улиара и не стыдился его памяти.

Улиар пил с яростью.

Ему хотелось добраться до той минуты, когда Саара перестала плакать. Хотел увидеть измену мёртвому.

Он увидел.

Через два года после похорон она проснулась весной, открыла окна и впервые обрадовалась теплу. Вечером долго пела, расчёсывая волосы. В ту ночь ей приснился умерший муж. Он стоял на дороге и не звал её.

Саара проснулась свободной от обязанности погибать вместе с ним.

Улиар выпил жизнь до конца.

После этого люди разучились переживать любимых.

Вдовы умирали вслед за мужьями. Матери уходили за детьми. Братья ложились в могилы братьев. Всякая любовь стала требовать общей смерти, и земля быстро наполнилась телами тех, кому прежде хватило бы сил продолжить путь.

Третья чаша принесла жизнь, где Саара никогда его не любила.

Они были женаты. Она родила ему дочь, вела дом, ухаживала во время болезни. В её поступках было много доброты. Любви не было.

Улиар искал её годами, в каждом движении, в каждом взгляде. Просил признаться. Саара отвечала:

— Я не выбирала это отсутствие. Оно живёт во мне так же честно, как твоё чувство живёт в тебе.

Он заставлял её исполнять обязанности жены, надеясь, что тело призовет сердце. Она терпела. Потом ушла.

Улиар догнал её возле реки.

— Скажи, что любишь, и я отпущу.

— Ты хочешь услышать ложь?

Он ударил её.

Она не вернулась.

Улиар прожил остаток жизни один, убеждённый, что Саара украла у него предназначенное счастье. Она же состарилась в другом краю, ни разу не пожалев об уходе.

Когда эта жизнь вошла в него, Улиар долго сидел возле колодца.

Он уже чувствовал чужого мужа внутри себя. Тот требовал правоты. Требовал признать нелюбовь женщины преступлением.

Улиар допил.

В великом теле исчезла способность любви не возникнуть.

С этого дня люди начали любить всякого, кто выбирал их. Отказ стал невозможен ещё прежде, чем Саара Копьеносная была изъята. Мужчина признавался в своём желании — и в женщине загоралось ответное чувство. Женщина касалась

руки чужого мужчины — и он уже принадлежал ей.

Мир наполнился взаимностью, от которой многие сходили с ума.

Никто не мог сохранить сердце для себя.

Четвёртая жизнь была той, где Улиар и Саара родились одним существом.

Их тело имело два лица. Они говорили попеременно, спали одним сном, имели одно желание. В юности им казалось, что одиночество побеждено навеки. Позднее Саара захотела молчать, когда Улиар говорил. Он захотел уйти, когда она спала. У них не было раздельных ног.

Любовь, лишённая расстояния, превратилась в удушье.

Они начали бороться за единую руку. Саара тянула её к ножнам, Улиар удерживал. Он желал рассечь общее тело, она боялась смерти. Потом желания переменялись: она просила разделения, он цеплялся за единство.

В старости они возненавидели голос, исходивший из той же груди.

Перед смертью Саара сказала:

— Я любила бы тебя, будь между нами хоть шаг.

Улиар ответил:

— Я боялся этого шага всю жизнь.

Они умерли одновременно.

После четвёртой чаши влюблённые начали сливаться мыслями. Мужья слышали тайные желания жён. Жёны чувствовали мужской стыд, похоть, импотенцию. Сначала это

прославляли как совершенную близость. Через год люди уже молили о внутренней двери, которую можно было бы закрыть.

Отдельность стала редкостью.

Пятой была жизнь Саары, родившей Бога.

Улиар увидел её и отставил чашу.

Дитя лежало у неё на груди. Оно выглядело человеческим, только глаза оставались открытыми даже во сне. Когда ребёнок вдыхал, звёзды приближались к земле. Когда выдыхал, в самых дальних частях великого тела возникали новые цвета.

Саара кормила его.

Молоко светилось под кожей.

Улиар стоял возле постели, испуганный и счастливый. Эта его жизнь оказалась кроткой. Он не требовал от жены всецелой принадлежности. Рождение божественного ребёнка сделало ревность бессмысленной: рядом с младенцем всякая отдельная страсть становилась малой, однако не униженной. Любовь сохраняла плоть и одновременно открывалась в бескрайность.

Дитя росло быстро.

Через семь дней заговорило.

Первым словом стало имя матери.

Через месяц оно называло каждую вещь, и названное впервые узнавало себя. Камень, услышав своё имя, обретал тяжесть. Вода — движение. Огонь — желание. Человек — страх смерти.

Бог родился в ребёнке как сознание великого тела, впервые обратившего взор на собственную жизнь.

На сороковой день младенец посмотрел прямо сквозь Улиара, державшего чашу у колодца.

— Не пей меня, — сказал он.

Улиар выронил чашу.

Вода ушла обратно.

Шестой жизнью стала Саара, которая принадлежала другому.

Улиар не хотел пить её, но ревность оказалась сильнее страха перед божественным ребёнком.

В той жизни Саара встретила его в юности, любила несколько лет, потом ушла к человеку с мягким голосом и уверенной походкой. Улиар унижался, угрожал, молил. Она плакала и всё же ушла.

С другим мужчиной она прожила долгую жизнь.

Иногда вспоминала Улиара. Память оставалась нежной, без желания вернуться. Она не считала прежнюю любовь ложной. Любовь закончилась, сохранив достоинство прожившего.

Улиар выпил и эту жизнь.

После шестой чаши чувства перестали завершаться.

Угасшая любовь оставалась в людях навсегда. Они продолжали желать тех, кого давно покинули. Старики просыпались рядом с верными супругами и плакали о человеке, которого целовали однажды в молодости. Сердца перепол-

нялись неумирающими привязанностями, пока в них уже не оставалось места настоящему.

Седьмой стала убийца.

Теперь Улиар знал цену каждого глотка.

И всё же в глубине оставались Саара, родившая Бога, и Шахаразада.

А также та, которую он считал своей: женщина, умершая в его доме и ставшая колодцем.

После седьмой чаши Улиар не пил девять дней.

Он ходил среди людей и видел убыль.

Женщина шла за мужем, избивавшим её, и называла это любовью. Старик лежал возле могилы жены, не способный продолжить дыхание без неё. Молодая пара сидела, тесно прижавшись друг к другу, и каждый слышал мысли другого, отчего лица их были серы от отвращения и стыда. На площади толпа чувствовала пророка только потому, что он требовал любви.

Всё это совершил Улиар.

Однако внутри него жили выпитые мужья. Каждый оправдывал глоток.

Муж Саары, прожившей без него, говорил: «Жизнь, где она не знала тебя, была ошибкой».

Покойник, которого она пережила, шептал: «Она предала нашу смерть».

Нелюбимый требовал: «Сердце обязано отвечать».

Единотелый стонал: «Разделение приносит муку».

Покинутый уговаривал: «Вечное чувство чище переменчивого».

Убитый молчал. Его рана горела под рёбрами Улиара.

Ночью Шахаразада снова появилась в воде.

Она сидела на полу. Правая рука висела плетью. Волосы ниспадали клочьями. Один глаз был закрыт. Дышала она тяжело.

— Ты умираешь? — спросил Улиар.

— Во мне становится меньше жизни.

— Ты ведь осталась.

— Осталась та часть, которую ещё поддерживают остальные. После каждого твоего глотка я делаюсь проще. Скоро стану такой, какую ты ищешь.

— Какой?

— Единственной.

Он опустил голову.

— Я хотел вернуть жену.

— Ты хотел вернуть женщину, которая не сможет быть иной.

— Я любил Саару.

— Ты любил предел, которым окружил её имя.

Улиар ударил кулаком по камню.

— Я потерял её!

— И решил, что утрата даёт тебе право на всё, чем она была без тебя.

— Она сама стала этим колодцем.

— Чтобы удержать тебя возле одной смерти.

Улиар замер.

Шахаразада подняла здоровую руку и коснулась воды со своей стороны. На поверхности проступила Саара, лежащая на смертном ложе.

— Она знала, что после смерти ты начнёшь искать. Потому отдала тело источнику. Стала преградой между тобой и своими жизнями. Каждый глоток проходит через неё.

— Значит, я пью её?

— Тырываешь её, чтобы добраться до остальных.

Каменный круг под ладонями Улиара содрогнулся.

В глубине раздался слабый голос его жены:

— Я просила тебя.

Он отшатнулся.

— Саара!

— Не называй меня, если хочешь владеть всеми, кто носит это имя.

— Я верну их.

— Чем?

— Собою.

Шахаразада горько усмехнулась.

— Красивое слово, пока тело закрыто.

— Скажи, что делать.

— Оставить ребёнка.

— А остальные?

— Открыть себя и выпустить.

— Я умру?

— Возможно.

— Возможно?

— В тебе теперь семь мужей. Кто-нибудь выживет.

— А я?

— Которого из них ты называешь собой?

Улиар долго стоял возле воды.

Потом спросил:

— Если я выпущу их, жена вернётся?

Шахаразада закрыла единственный видящий глаз.

— Вот он, твой настоящий вопрос.

— Ответь.

— Та Саара умерла. Возвращение остальных не отменит её смерти.

Улиар почувствовал, как семь мужчин внутри него восстали одновременно.

Один требовал выпить ребёнка и обрести власть над всем телом Божества. Другой хотел выпить Шахаразadu, завершить собрание. Третий умолял разбить колодец. Убитый впервые заговорил:

«Пусть она снова убьёт нас».

— Где жизнь ребёнка? — спросил Улиар.

— Его Жизнь жительствоует.

— Он может воскресить Саару?

— Он способен назвать её смерть. От имени смерть не перестанет быть смертью.

— Тогда зачем он Бог?

Шахаразада посмотрела на него с жалостью.

— Чтобы великое тело знало свою боль. Не для исполнения твоей.

Вода погасла.

На десятую ночь Улиар спустился в колодец.

Он обвязал себя верёвкой, закрепил её на столбе и стал сходить по внутренним камням. Чем глубже он спускался, тем отчётливее ощущал тело жены.

Под ступнёй сокращалась мышца.

Возле колена бился пульс.

Стены сжимались от боли.

Улиар шептал имя Саары, пока вода не сомкнулась над головой.

Дышать он продолжал.

Внизу стояла кровать, на которой умерла жена. Простыни колебались под водой. Саара лежала в том же положении, сложив руки на горле.

Улиар подошёл.

Её лицо сохранилось. Веки были закрыты. В волосах двигались слабые огни; каждый принадлежал одной из жизней, ещё соединённых с нею.

Он опустился рядом.

— Я пришёл вернуть выпитое.

Саара открыла глаза.

— Ты пришёл спросить, воскресну ли я.

— Я уже знаю ответ.

— Знание и согласие редко приходят вместе.

— Помоги мне.

Она села.

Вода стекала по лицу, хотя всё вокруг было водой.

— Каждый изъятый удел теперь прирос к твоей плоти, — сказала Саара. — Жизнь, где мы не встретились, живёт в твоих ногах. Потому ты всё время хочешь уйти от самого себя. Жизнь, где я пережила тебя, находится в лёгких. Нелюбовь поселилась возле сердца. Единое тело — в позвоночнике. Угасшая любовь — в горле. Моя ярость держится в правой руке. В прочих членах сидят мужья, которых ты выпил вместе со мною.

— Как их выпустить?

— Ты должен позволить каждой отнять своё.

— Кто откроет меня?

— Я.

Саара поднялась.

На ней была та самая ночная рубаша, в которой она умерла. Материя прилипала к телу. Улиар увидел жену живой и мёртвой сразу, однако другие её жизни уже не заслоняли эту.

— Ты боишься? — спросила она.

— Да.

— Хорошо.

Она положила ладонь ему на грудь.

Под кожей зашевелилась женщина, никогда его не любив-

шая.

Саара надавила пальцами. Боли сперва не было. Грудь раскрылась перед её рукой, словно тело повиновалось древнему согласию пропускать жизнь наружу.

Изнутри вышел свет.

В нём стояла первая женщина — та, что прожила без Улиара возле моря. Она держала на руках птицу. За нею появился мужчина, которым Улиар был в той жизни: случайный прохожий с хлебом.

Женщина посмотрела на него спокойно.

— Ты выпил меня, потому что я не обернулась.

— Да.

— Теперь обернись сам.

Она шагнула в воду и исчезла.

Мужчина ушёл следом.

Где-то в великом теле дороги снова обрели способность сводить незнакомых. Люди начали поднимать глаза. На площади двое, много раз проходившие рядом, впервые увидели друг друга.

Из лёгких Улиара вышла Саара-вдова.

Она была старой, с прямой спиной и живыми глазами.

— Ты хотел, чтобы я умерла вместе с тобой, — сказала она.

— Хотел.

— Я любила тебя дольше твоей жизни. Этого тебе оказалось мало.

За нею стоял второй муж. Он положил руку ей на плечо. Улиар ощутил ревность, и всё же не удержал их.

Когда они ушли, вдовы по всей земле сделали первый самостоятельный вдох.

Из области сердца вышла женщина, которая никогда его не любила.

Она не приблизилась.

— Проси прощения, — сказала Саара возле него.

Улиар посмотрел на ту жизнь.

— За что?

— Слышишь? Даже теперь.

Женщина ждала.

— Я присвоил твоё отсутствие любви, — произнёс Улиар.

— Назвал его повреждением. Выпил тебя, чтобы остальные не могли мне отказать.

— И теперь?

— Теперь прошу уйти.

— Ты всё ещё думаешь, что отпускаешь меня по собственной воле.

Она повернулась и ушла без прощания.

Великое тело содрогнулось. В людях погасли навязанные чувства. Тысячи влюбленностей оборвались в одну минуту. Кто-то закричал от облегчения. Кто-то остался перед человеком, которого впервые увидел без принуждения, и выбрал его снова.

Из позвоночника Улиара вышло существо с двумя лица-

ми.

Общая грудь тяжело дышала.

— Раздели нас, — сказала лицо Саары.

— Мы погибнем, — ответило лицо Улиара.

Саара возле колодца протянула руки и разорвала единое тело по середине.

Крови не было. Из разделённых половин вышли мужчина и женщина. Они упали на разные стороны, долго лежали, впервые не чувствуя мыслей друг друга. Потом Саара засмеялась. Улиар заплакал. Между ними было три шага.

Они встали и ушли, не касаясь рук.

По всей земле люди перестали слышать тайное в любимых. Некоторые испугались вернувшегося одиночества. Другие впервые смогли приблизиться.

Из горла вышла женщина, покинувшая Улиара ради другого мужчины. Она держала его за руку.

— Я любила тебя, — сказала она.

— Знаю.

— Потом перестала.

— Знаю.

— Теперь твоя любовь сможет пережить конец?

Улиар хотел ответить, однако слова застряли в горле. Саара возле него коснулась его спины.

— Говори.

— Я не знаю.

— Этого достаточно для начала, — сказала уходящая

женщина.

Она исчезла вместе с мужем.

Чувства вновь обрели смертность.

Последней из правой руки вышла Саара Копьеносная.

Копьё оставалось при ней.

Она подошла вплотную и посмотрела Улиару в лицо.

— Ты боишься меня больше других.

— Да.

— Почему?

— Ты можешь убить.

— Я уже убила мужчину с твоим лицом.

— Он был мною.

— Он считал меня своей вещью.

— Я тоже считал.

Копьеносная подняла оружие. Остриё коснулось груди Улиара возле раскрытого места.

— Во мне осталось желание ударить тебя, — сказала она.

— Ударь.

— Теперь ты просишь смерти и снова хочешь сделать меня исполнительницей своей воли.

Улиар закрыл глаза.

— Тогда выбирай.

Она долго стояла перед ним.

Потом бросила копьё.

— Вот чего ты не мог вынести, — сказала она. — Я могу убить тебя. Могу оставить в живых. Оба поступка принадле-

жат мне.

Она поцеловала его в лоб и ушла.

Сила отказа вернулась в великое тело.

Грудь Улиара оставалась открытой. Внутри сидел последний муж — отец ребёнка, в котором Бог узнавал себя.

— Он не выйдет сам, — сказала Саара.

— Почему?

— Ты не выпил его жизнь.

— Тогда кто сидит во мне?

— Желание выпить.

Из груди показался человек с лицом Улиара. Он был прекрасен, спокоен, почти светел. В руках держал чашу.

— Остался один глоток, — сказал он. — Ребёнок даст нам власть назвать умершую живой.

Саара встала между ними.

— Отойди, — приказал мужчина.

— Нет.

— Ты желаешь остаться колодцем?

— Я желаю, чтобы он перестал пить.

Мужчина улыбнулся Улиару.

— Она боится, что после воскресения ты увидишь несовершенство этой жизни. Ребёнок назовёт настоящую Саару. Все остальные окажутся лишними.

— Они уже возвращены, — сказал Улиар.

— Их можно выпить снова. Теперь ты знаешь путь.

Саара схватила мужа за руку.

Он ударил её.

Тело жены отлетело к постели. Вода вокруг потемнела.

Улиар смотрел на человека, которым мог стать.

Тот протянул чашу.

На её дне лежал младенец, свернувшийся во сне.

— Возьми, — сказал он. — Ты увидишь лицо Бога. Попросишь жену. Тебе не откажут.

— Почему?

— Потому что мы уже вернули миру право отказывать. Теперь отказ станет выбором Бога. Ты убедишь его.

— Чем?

— Болью.

Саара поднялась.

На щеке темнел след удара.

— Он родился из твоей последней надежды на насилие, — сказала она. — Пока он в тебе, колодец останется раной.

Улиар взглянул на младенца.

Ребёнок открыл глаза.

Сразу всё великое тело стало видимо.

Улиар увидел его целиком, насколько человеческому разуму позволено вынести такое зрение. Горы поднимались как кости. Реки двигались по бескрайней плоти. Звёзды горели в глубинных органах. Люди были малыми жизнями внутри жизни, и каждая несла в себе ту же борьбу твердости, жара, горечи, света, кротости, желания и голоса.

В теле зияли места, откуда Улиар изъял Саару.

Они уже наполнялись возвращёнными жизнями, однако боль ещё ходила по всему целому, отзывалась в рождении, в любви, в смерти, в каждом движении, которое обрело утраченную свободу.

Ребёнок смотрел на него глазами всего Божества.

Из его рта вышел голос Бога.

— Зачем ты искал одну?

Улиар не мог ответить.

— Ты боялся любить ту, которая могла измениться?

— Да.

— Боялся её жизни без тебя?

— Да.

— Боялся её любви к другому?

— Да.

— Боялся её права не любить?

— Да.

— Тогда кого ты хотел воскресить?

Улиар посмотрел на Саару.

Она стояла возле постели, прижав ладонь к ушибленной щеке. Живая в своём выборе. Мёртвая в его части великого тела. Колодец и женщина одновременно.

— Ту, которая останется, — сказал он.

— Таких нет, — ответил ребёнок.

Человек с чашей рванулся вперёд.

Улиар схватил его за плечи.

Они упали. Вода закружилась вокруг тел. Мужчина бился

молча, стремясь поднести чашу к губам Улиара. Младенец внутри неё не плакал.

— Выпей! — закричал он. — И ты получишь её всю!

Улиар увидел желанную Саару.

Она выходила из колодца молодой, здоровой, прекрасной. Подходила к нему. Говорила, что любит. В её сердце отсутствовала возможность разлюбить, в ногах — возможность уйти, в руке — сила защититься, в памяти — жизнь без него. Она состояла из одного согласия.

Улиар оттолкнул чашу.

Мужчина взвыл.

— Ты останешься один!

— Да.

— Она умерла!

— Да.

— Все прочие уйдут!

— Да.

Каждое «да» ослабляло мужчину. Его лицо стало тусклым. Руки дрогнули.

Улиар вырвал чашу и передал Сааре.

Она взяла её обеими руками.

— Что мне делать? — спросила.

— Верни ребёнка.

— Ты потеряешь дар.

— Верни.

Саара опустила чашу в воду.

Младенец исчез.

Человек, рождённый желанием выпить, рухнул на дно и рассыпался тёмным прахом.

Грудь Улиара закрылась.

В ту же минуту зрение оставило его.

Он больше не видел бескрайнего тела.

Не видел Саару в иных жизнях.

Не видел ребёнка-Бога.

Перед ним стояла только умершая жена в мокрой ночной рубаше.

Она подошла и коснулась его лица.

— Теперь ты видишь меня? — спросила.

— Да.

— Которую?

Улиар заплакал.

— Ту, которую потерял.

Саара улыбнулась.

— Наконец.

— Ты останешься?

Она приложила ладонь к его груди.

— Моя жизнь здесь завершилась.

— А колодец?

— Он закроется, когда ты выйдешь.

— Тогда пойдём со мной.

— Ты опять просишь мёртвую продолжить твою жизнь.

Он опустил голову.

— Я не умею отпускать тебя.

— Умение приходит после поступка.

Она взяла его за руку и повела вверх.

Ступеней не было. Они поднимались сквозь воду, медленно, словно шли по телу, которое заживало вокруг них.

Возле поверхности Саара остановилась.

— Дальше один.

Улиар сжал её пальцы.

— Я люблю тебя.

— Знаю.

— Во всех твоих жизнях?

— Этого ты больше не увидишь.

— Скажи.

Саара покачала головой.

— Моя любовь в других частях великого тела принадлежит тем женщинам. Не проси у меня их слов.

Он хотел удержать её.

Пальцы разжались сами.

Улиар поднялся к свету.

Утро застало его лежащим на полу.

Колодец исчез.

На его месте стояла постель. Простыни были сухими. Саары на них не было. Осталось лёгкое углубление, где три года назад лежало её тело.

Улиар сел.

Дом казался малым и обыкновенным. Он смотрел на сте-

ны и впервые не видел ничего за ними. Ни иных жизней, ни скрытого движения великого тела, ни далёких рождений жёны.

Дар ушёл.

Снаружи люди кричали, смеялись, плакали. Возвращённые силы входили в них тяжело.

Женщина на дороге оттолкнула мужа, занёсшего руку.

Вдова открыла дверь дома и вышла к солнцу.

Юноша признался девушке в любви; она ответила, что не любит, и мир выдержал её слова.

Супруги сидели рядом, не слыша мыслей друг друга, и пытались говорить.

Старик вспоминал умершую жену, продолжая есть хлеб.

Улиар вышел во двор.

Там, где прежде стоял каменный круг, земля была влажной. Он опустился на колени и приложил ладонь.

Глубоко внизу текла вода.

Она двигалась дальше, к тем частям великого тела, которых ему уже никогда не увидеть. Несла Саару во множестве её жизней: любящую, жестокую, равнодушную, состарившуюся возле другого, родившую Бога, убившую мужа, прожившую без него, соединённую и разделённую, каждую живую в собственной правде.

Улиар сидел до вечера.

Вода под землёй один раз дрогнула, словно далёкая женщина оглянулась.

Он не стал звать её.

Не стал копать.

Не припал губами к земле.

Он только держал ладонь над тем местом, где когда-то билось тело его жены, и слушал движение, которого больше не мог присвоить.

Ночью пошёл дождь.

Земля приняла воду и передала её в глубину.

Улиар вернулся в дом, лёг на их постель и оставил рядом свободное место.

До рассвета никто не пришёл.

Он не умер от этого.

КОНГРЕСС ВРАЧЕЙ ЖИЗНИ

— Ещё одно движение, и мы можем удалить то, что вы по привычке называете совестью, — сказала Екатерина Огнева.

Игла висела над грудью Николая Веденина. Тонкая, длиною почти с ладонь, она не касалась кожи, однако под рёбрами уже начинало ныть. Так действовали инструменты отделения глубинной хирургии: сперва убеждали тело в неизбежности боли, затем входили туда, где ожидание само открывало проход.

Николай лежал на высоком столе, обитым белой кожей. Руки его были свободны. В клинике запрещалось привязывать пациентов: путы могли внушить человеку ложное представление о несвободе и исказить результаты обследования. Двое санитаров стояли возле дверей на случай, если свободное решение пациента потребует физического ограничения.

— Я не давал согласия на удаление, — сказал Николай.

Екатерина Огнева подняла брови.

У неё было крупное красивое лицо, коротко остриженные волосы и тот особый взгляд, каким смотрят люди, давно переставшие сомневаться в пользе причиняемой ими боли.

— Вы дали согласие на диагностику.

— Диагностика и удаление — разные вещи.

— В обычной медицине. Здесь диагноз иногда существует лишь до тех пор, пока его не удалили.

Она слегка повернула иглу. Нытьё под рёбрами усилилось.

— Кроме того, — продолжала Екатерина, — ваша подпись стоит под пунктом двадцать семь: «Пациент допускает вмешательство в те части личности, которые ошибочно считает своими».

— Я не читал двадцать седьмой пункт.

— Это подтверждает предварительный диагноз. Вы позволили чужому тексту распорядиться вашим телом.

— Мне сказали, что без подписи меня не примут.

— Значит, вы предпочли лечение свободе отказа.

— Я пришёл сюда именно потому, что не умею выбирать.

— Вот видите. Мы уже продвинулись.

Она опустила иглу.

Николай дёрнулся. Санитары сделали шаг вперёд.

Игла остановилась в нескольких волосках от кожи.

— Что вы сейчас почувствовали? — спросила Екатерина.

— Страх.

— Перед болью?

— Перед вами.

— Хорошо. Страх приобрёл лицо. С безличным страхом работать гораздо труднее.

Она отложила иглу на серебряный поднос и сняла перчатки.

— Совесть пока оставим. Возможно, это просто запущенная привязанность. Окончательное решение примет Кон-

гресс.

— Какой конгресс?

— Врачей жизни. Вам повезло: он собирается раз в семь лет. Обычно пациенту приходится ждать заключения несколько месяцев, а ваш случай рассмотрят послезавтра.

— Почему мой?

— Вы утверждаете, что не знаете, чего хотите. Для нашей клиники это почти лихорадка.

Екатерина помогла ему сесть. На груди не осталось следа, но боль под рёбрами продолжала жить собственной жизнью.

— Одевайтесь, — сказала она. — И постарайтесь до заседания ничего не захотеть слишком сильно. Это затруднит обсуждение.

В Клинику истинной воли Николай пришёл по совету жены.

Совет прозвучал во время ужина.

Марта поставила на стол суп, села напротив и спросила:

— Ты хочешь остаться со мной?

Николай посмотрел в тарелку.

В супе плавал укроп. Он поймал себя на том, что считает зелёные веточки, лишь бы не отвечать. Их было девять. Одна прилипла к краю тарелки и медленно сползала обратно.

— Я живу с тобой двенадцать лет, — сказал он.

— Я спросила, хочешь ли ты.

— Разве двенадцать лет ничего не доказывают?

— Доказывают, что ты умеешь долго не принимать решения.

Марта не плакала. Это было хуже. Когда она плакала, Николай мог обнять её, принести воды, попросить прощения за что-нибудь достаточно общее. Спокойствие требовало точности.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл? — спросил он.

— Опять моё желание.

— Я пытаюсь понять.

— Меня ты понимаешь прекрасно. Я хочу жить с человеком, который находится рядом по собственной воле. Не из жалости, не из привычки, не из страха остаться одному. Я не знаю, есть ли здесь такой человек.

— А если я сам не знаю?

— Тогда узнай.

Наутро она положила перед ним брошюру Клиники истинной воли.

На обложке был изображён человек, разрывающий цепи. Цепи выглядели новыми, а человек — довольным фотографом, который заранее знает, что снимок получится удачным.

Под изображением стояло:

«Мы не скажем вам, чего хотите.

Мы освободим того, кто знает».

Николай перечитал фразу несколько раз.

— Ты хочешь, чтобы я туда пошёл?

Марта закрыла глаза.

Через неделю он стоял у ворот клиники.

В приёмной не спрашивали, кто направил пациента. Всякое направление считалось внешним воздействием. Николай сам называл имя жены, после чего регистратор поставила в анкете отметку: «Инициатива частично заражена близким человеком».

— Вы пришли добровольно? — спросила она.

— Думаю, да.

— «Думаю» или «да»?

— Я не уверен.

— Неуверенность принимается как особая форма добровольности. Подпишите здесь.

Он подписал.

— Теперь подтвердите, что подпись выражает вашу волю.

— Подтверждаю.

— Вы уверены, что желание подтвердить не вызвано присутствием сотрудника?

Николай посмотрел на неё.

Регистратор сидела прямо, сложив руки на столе. На груди у неё висел золотой знак в виде раскрытой клетки.

— Не уверен.

— Прекрасно. Сомнение сохранено. Подпишите отказ от уверенности.

Так началось лечение.

Ему выдали серую одежду без пуговиц. Пуговицы признавались символами необратимого соединения и допускались

лишь в отделении добровольных обязательств. Карманы были зашиты: пациент не должен был уносить с собой желания, найденные в общих помещениях.

Первые три дня Николая обследовали.

Специалист по внешним внушениям посадил его перед двумя чашками.

— Чай или вода?

— Вода.

— Почему?

— Не хочу чай.

— В детстве вас заставляли пить чай?

— Да.

— Вы выбрали воду из протеста против матери. Запишем: зависимая противоположность.

Он налил Николаю чай.

— Но я выбрал воду.

— Именно поэтому чай имеет терапевтическое значение.

В отделении спонтанности перед ним поставили две двери: красную и синюю.

— Входите в любую, — сказала врач.

Николай выбрал синюю.

За дверью сидели трое наблюдателей.

— Почему синяя? — спросили они.

— Она ближе.

— Вы экономите движение. Возможен страх жизненного усилия.

Его вернули в коридор.

— Теперь выбирайте снова.

Николай открыл красную.

— Вы пытаетесь исправить первое решение, — сказали наблюдатели. — Зависимость от оценки.

— Тогда зачем было давать второй выбор?

— Чтобы установить, насколько быстро вы отказываетесь от первого.

В отделении подавленного экстаза его поместили в комнату с музыкой, мягкими подушками и женщиной, покрытой золотой краской. Женщина медленно поднялась ему навстречу.

— Делайте то, чего желает тело, — сказала она.

— Моё тело желает выйти.

— Это может быть страх тела перед желанием тела.

— А может быть, я просто хочу выйти?

Женщина задумалась.

— Такая возможность предусмотрена в расширенном курсе. У вас базовая диагностика.

В отделении освобождения от чувства долга Николая попросили перечислить людей, перед которыми он считает себя обязанным.

Он назвал Марту, умершего отца, старую тётку, жившую в одиночестве, двух друзей и человека, у которого двадцать лет назад занял деньги и забыл вернуть.

Врач записывал, не поднимая головы.

— Все эти долги существуют только потому, что вы поддерживаете их вниманием.

— Деньги всё же существовали.

— Материальные обстоятельства нередко используются внутренним надзирателем для укрепления власти.

— Вы предлагаете не возвращать долг?

— Я предлагаю установить, кто именно хочет его вернуть: вы или усвоенный образ порядочного человека.

— А если я хочу быть порядочным?

Врач впервые поднял голову.

— Это серьёзное осложнение.

Лишь один кабинет не показался Николаю нелепым.

Там принимала доктор Шахразада Икс, руководитель клиники.

Она сидела у окна, за простым деревянным столом. На стенах не было дипломов, формул, изображений разорванных цепей. В углу стояло засохшее растение, которое никто не решался выбросить: в клинике опасались принимать решения от имени живых организмов.

Шахразаде было около шестидесяти. Она носила тёмное платье и серебряное кольцо на указательном пальце. Икс являлось официальной частью имени. Девять прежних руководителей клиники также назывались Шахразадами; каждая принимала имя вместе с должностью, чтобы личная биография не влияла на толкование основного учения.

— Зачем вы пришли? — спросила она.

— Жена спросила, хочу ли я с ней жить.

— И вы не нашли ответа.

— Иногда мне кажется, что люблю её. Иногда — что просто боюсь перемен. Бывают дни, когда я хочу уйти. Потом представляю пустую квартиру и понимаю, что никуда не пойду. Я не знаю, какое из этих желаний настоящее.

— Возможно, все.

— Тогда какое исполнять?

— Вот ради этого вопроса и были построены все наши корпуса.

— Вы можете ответить?

— Раньше я думала, что могу.

Шахразада открыла тонкую папку. В ней лежал пожелтевший лист.

— Это первая формула нашей клиники. Её написал Основатель после того, как вывел из религиозного приюта тридцать семь женщин, которых там убеждали терпеть побои во имя смирения.

Она придвинула лист к Николаю.

На нём стояла одна строка:

«Человек не обязан желать того, чего от него желают».

— Разве это неправда? — спросил Николай.

— Правда. Поэтому она оказалась опаснее лжи. Ложь вызывает сопротивление. Правду начинают применять.

Шахразада закрыла папку.

— Сначала к нам приходили люди, которым запрещали жить. Женщины уходили от мужей. Сыновья отказывались продолжать ненавистное дело отцов. Старики переставали стыдиться страха смерти. Потом явились люди, желавшие освободиться от благодарности, верности, обещаний, любви, детей, последствий. Мы учились различать волю и прихоть. Для этого понадобились специалисты. Специалистам потребовались правила. Правилам — толкователи. Теперь у нас сорок два отделения, и каждое охраняет свободу от соседнего.

— Тогда зачем вы продолжаете?

— Потому что вчера женщина из пятого корпуса впервые сказала мужу «нет» и осталась жива. Потому что старик из палаты добровольного поражения признался: он никогда не хотел писать великую книгу, которой мучил себя сорок лет. Потому что молодой человек перестал считать свою кротость трусостью. Иногда мы ещё помогаем.

— А иногда?

— Иногда человек входит сюда с одним чужим голосом в голове, а выходит с сорока двумя нашими.

Николай посмотрел в окно. Во дворе пациенты ходили по круговой дорожке. У каждого был свой темп, но направление движения оставалось общим.

— Что вы будете делать со мной?

— Передадим Конгрессу.

— Почему вы сами не решите?

— Руководителю запрещено единолично определять чужую волю.

— Поэтому её определит собрание?

— Собрание распределяет ответственность.

— Это звучит не очень свободно.

Шахразада улыбнулась.

— У вас хорошие шансы.

До Конгресса Николая поселили в палате с тремя пациентами.

Первого звали Афанасием. Он добровольно служил своему старшему брату: готовил ему еду, чистил одежду, вёл хозяйство и отдавал большую часть заработка.

— Брат добр ко мне, — объяснял Афанасий. — Я люблю заботиться о нём. Здесь считают, что это скрытая зависимость.

— А зачем вы пришли?

— Брат настоял.

Второй пациент, Роман, много лет менял занятия, города, любовниц и убеждения, поскольку боялся превратить постоянство в тюрьму.

— Я свободен от всего, — говорил он, лежа на кровати и глядя в потолок. — Осталось освободиться от необходимости быть свободным.

Третьей была женщина по имени Лия. Она прежде жила с человеком, который бил её и запрещал выходить из дома. Клиника помогла ей уйти.

— Здесь мне спасли жизнь, — сказала Лия. — А теперь не выпускают, пока я не признаю, что благодарность клинике тоже форма зависимости.

— Почему не уходите просто так?

— Я пыталась. Мне объяснили, что бегство доказывает незавершённость освобождения.

— Вы всё ещё благодарны?

— Очень. Поэтому лечение продолжается четвёртый год. По вечерам пациенты обсуждали врачей.

Каждый старался говорить так, чтобы соседи не приняли его мнение за давление. Разговоры становились осторожными, медленными и почти бессмысленными.

— Мне кажется, Екатерина Огнева опасна, — однажды сказал Николай.

— Ты хочешь убедить нас? — спросил Роман.

— Нет.

— Тогда зачем сообщил?

— Хотел поделиться.

— Потребность делиться предполагает желание изменить внутреннее состояние другого.

— Хорошо. Забудьте.

— Ты не можешь распоряжаться нашей памятью, — заметил Афанасий.

Лия засмеялась.

Все трое посмотрели на неё с облегчением.

— Простите, — сказала она. — Это вышло без намерения.

В день Конгресса Николая разбудили до рассвета.

Ему выдали белую одежду. На груди было вышито: «Случай № 7341. Сомнение в принадлежности желания».

— Почему случай, а не имя? — спросил он.

Санитар пожал плечами.

— Имя может склонить участников к сочувствию.

— А номер?

— Номер склоняет к объективности.

Заседание проходило в круглом зале. В центре стояло кресло пациента. Вокруг поднимались семь рядов столов. На нижнем сидели практикующие врачи, выше — толкователи, исследователи, наблюдатели, представители бывших пациентов и делегаты от общественных движений, каждое из которых защищало особую форму воли.

На дальней стене висел портрет Основателя.

Он был изображён молодым, с непокрытой головой и усталым лицом. Художник придал ему выражение человека, который предвидел последствия собственной мысли, но уже не мог забрать её обратно.

Конгресс открыла Шахразада Икс.

— Собравшиеся, — сказала она, — сегодня нам предстоит рассмотреть случай Николая Веденина, сорока трёх лет, состоящего в браке, не обнаружившего внутри себя устойчивого желания ни сохранить этот брак, ни прекратить его. Пациент признаёт влияние страха, привычки, привязанности, телесного влечения, чувства долга, воспоминаний, об-

щественных норм и вероятной любви. Задача Конгресса — определить, существует ли под названными влияниями собственная воля пациента и допустимо ли сообщить ему её содержание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.